

На правах рукописи

Лисюткина Ирина Сергеевна

**ДИНАМИКА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИСКРЕДИТАЦИИ
В МЕДИАДИСКУРСЕ 1950 – 2019 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность 10.02.19 — Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2021

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии и переводоведения ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Викторова Елена Юрьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры английской филологии
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
Желтухина Марина Ростиславовна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Международные отношения,
политология и регионоведение»
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
КошкарOVA Наталья Николаевна

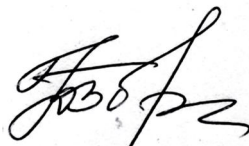
Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»

Защита диссертации состоится «___» _____ 2021 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 на базе ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83) в XI корпусе.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке имени В.А. Артисевич и на сайте ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»:
https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2021/04/12/dissertaciya_lisyutkinoy.pdf

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю. Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В век информатизации общества и увеличения числа информационных потоков, к сожалению, всё более частым явлением в коммуникации становится речевая агрессия. Речевая агрессия как деструктивный тип коммуникативного поведения характерна для многих типов дискурса, например, бытового дискурса и интернет-дискурса. Однако именно в политическом медиадискурсе, который является особой частью медиадискурса, речевая агрессия как правило приобретает обдуманый и целенаправленный характер. Одной из форм проявления речевой агрессии в политическом медиадискурсе является использование дискредитации (от фр. *discrediter* – подрывать доверие), целью которой становится создание у массового адресата негативного образа политического оппонента. Задачей политического медиадискурса является борьба за власть, осуществляемая с помощью каналов СМИ. Чтобы одержать победу в этой борьбе, политический субъект не только должен сообщать обществу о своих положительных качествах, преимуществах собственных позиций, но и вынужден понижать статус оппонента.

Помимо реализации информационной функции, СМИ всегда были интерпретаторами событий, конструируя политическую реальность и формируя идеологические позиции у массового адресата с помощью ряда коммуникативных стратегий и тактик. Стратегия дискредитации оппонента, которую мы далее для краткости будем называть стратегией дискредитации, является одним из базовых компонентов политической коммуникации, с помощью которой осуществляется борьба за обладание властным ресурсом, то есть поддержкой, лояльностью и симпатиями электората. В условиях деления всего политического пространства на «своих» и «чужих» с прагматической точки зрения интерпретация политических фактов, явлений, событий и мнений сводима к двум базовым стратегиям: с одной стороны, утверждению правильности мнений, оценок и ценностей «своих», то есть самопрезентации, и с другой стороны, критике, понижению статуса политического оппонента и негативному оцениванию всего, что связано с «чужими».

Данное диссертационное исследование посвящено актуальной лингвистической проблеме – исследованию способов реализации стратегии дискредитации в медиаполитическом пространстве. При этом особое внимание уделяется изучению динамики реализации этих способов и особенностей их использования в зависимости от языка (русского и английского) и лингвокультуры в целом, а также экстралингвистических факторов (особенностей исторического момента, политических событий и т.п.).

Политический медиадискурс как особая часть медиадискурса демонстрирует высокий уровень концентрации средств речевого воздействия. Политики с помощью СМИ активно борются за новых соратников и единомышленников, готовых разделить их идеи и мнения, в том числе и негативную оценку оппонента и всего, что с ним связано. В вечной погоне за электоральным ресурсом создаётся новая идеологически выверенная реальность, которая способна формировать у массового адресата ложные представления о мире и политическом процессе. Анализ стратегии дискредитации является одним из шагов к противостоянию негативному речевому воздействию и к выработке критической позиции в отношении всей информации, порождаемой политическим медиадискурсом. Все это обуславливает необходимость и важность изучения лингвистических механизмов дискредитации и **актуальность** данного исследования.

Несмотря на активное исследование речевых стратегий и тактик и многообразие их классификаций в рамках современной коммуникативной лингвистики, представляется важным проанализировать теоретические основания для выделения той или иной тактики, реализующейся как часть стратегии дискредитации. В работе также представлен анализ количественной и качественной динамики реализации этих тактик в русскоязычных и англоязычных газетных статьях на темы внешней политики. В хронологическом плане исследуемый материал датируется тремя периодами: 1950 – 1984 гг., 1985 – 2006 гг. и 2007 – 2019 гг.

В данном исследовании политический медиадискурс изучается как особый вид медиадискурса, обладающий гибридной природой, который демонстрирует общественные процессы в наиболее комплексном виде, что позволяет проводить исследование на мультидисциплинарном уровне, то есть с учетом знаний политологии, истории и экономики. Благодаря этому исследование становится более объективным.

Объектом исследования являются медиадискурс в целом и реализующаяся в нем стратегия дискредитации в частности.

Предмет исследования – способы реализации коммуникативных тактик в рамках стратегии дискредитации.

Целью работы является выявление динамики использования стратегии дискредитации в медиадискурсе и специфики языкового выражения реализующих данную стратегию тактик. В соответствии с поставленной целью были выдвинуты следующие **задачи**:

1) охарактеризовать основные теоретические аспекты политического медиадискурса;

2) на основании общепринятых классификаций и непосредственно анализе материала выработать критерии выделения коммуникативных тактик, которые реализуются в рамках стратегии дискредитации;

3) на основе выбранных критериев выделить основные коммуникативные тактики в рамках стратегии дискредитации в русскоязычной и англоязычной прессе;

4) выделить универсальные и специфические для русскоязычной и англоязычной прессы тактики;

5) установить типичные лексико-семантические, морфологические, синтаксические и стилистические средства реализации выявленных тактик;

6) проследить динамику использования тактик за период с 1950 по 2019 гг. и проанализировать её зависимость от экстралингвистических факторов.

Теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных исследователей в следующих областях: политического дискурса (Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов, В. З. Демьянков, Т. ван Дейк, Р. Водак и др.), медиадискурса (Т. Г. Добросклонская, М. А. Кормилицина, Т. В. Чернышова и др.), теории речевого воздействия, коммуникативных тактик и стратегий (М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, И. А. Стернин, К. Ф. Седов, Е. В. Шелестюк, О. Н. Паршина, О. Л. Михалева, Т. В. Дубровская и др.) и стратегии дискредитации (Б. Н. Руженцева, А. А. Филинский, В. О. Мулькеева, К. И. Бринев, Е. В. Горина и др.).

Единицами исследования являются тематические контексты (в смысловом отношении завершённые фрагменты текста, позволяющие интерпретировать смысл входящих в них языковых единиц), в рамках которых реализуется коммуникативная стратегия дискредитации. Объём данных контекстов составляет от одного предложения до нескольких абзацев. В ходе исследования всего было проанализировано 890 контекстов: 510 русскоязычных и 380 англоязычных.

Материалом данного исследования являются русскоязычные и англоязычные газетные статьи, в которых реализуется стратегия дискредитации. Материал представлен разножанровыми (информационными и аналитическими) текстами 39 периодических изданий, среди которых присутствуют как центральные, так и региональные газеты СССР, РФ, Великобритании и США: «Правда», «Московский комсомолец», «Труд», «Вечерняя Москва», «Аргументы и факты», «Новая газета», «Российская Газета», «The Daily Herald», «The Birmingham Daily Post», «The Times», «The Independent», «The Observer», «The Washington Post» и др. Основная масса изучаемых текстов представлена в электронных версиях изданий, но

традиционные печатные издания использовались тоже. Объем исследованного материала – более 420 статей на русском и английском языках, что составляет более 140 726 словоупотреблений. Нами было отобрано по 70 статей для каждого языка в каждом выделенном периоде. Таким образом, материал каждого из двух языков и каждого из трех периодов проанализирован приблизительно в равном объеме, что обеспечивает объективность и репрезентативность полученных результатов.

В ходе предварительного анализа материала было выявлено, что тактики, реализующие стратегию дискредитации, чаще встречаются в текстах, посвященных международной политике. В связи с этим особое внимание в данном диссертационном исследовании уделялось тем газетным статьям, в которых освещаются международные события, факты, оценки и мнения.

Методы исследования. Данная диссертационная работа выполнена в рамках дискурсивного анализа, который позволяет комплексно рассматривать медиатексты в их связи с внеязыковой действительностью. В качестве ведущего метода использовался описательный метод с применением методик контекстного наблюдения, а также компонентного, дефиниционного, семантического, лексико-стилистического и количественного анализа. Материал исследования представлен двумя языками, в связи с чем были использованы элементы сопоставительного метода.

На основе экстралингвистических факторов в русскоязычном и англоязычном материале нами были выделены три периода. Для первого периода – 1950 – 1984 гг., который можно условно назвать «советским», характерно острое идеологическое противостояние капиталистических и социалистических государств. Выделение второго периода – 1985 – 2006 гг. – обусловлено приходом в 1985 году к власти в СССР М. С. Горбачёва и началом изменения внешнеполитических векторов в сторону сближения со странами Запада. Основанием выделения третьего периода – 2007 – 2019 гг. – стала программная речь В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в 2007 году, которая обозначила начало нового витка противостояния Запада и России. Стоит отметить, что, будучи выделенными на основе экстралингвистических проявлений политической жизни, границы данных периодов являются транспарентными, что обусловлено процессуальным характером дискурса вообще и политического медиадискурса в частности.

Рабочая гипотеза исследования базируется на том факте, что политический медиадискурс конструируется в зависимости от конкретной идеологической повестки, в связи с чем регистрируются изменения в наборе дискредитирующих тактик и их языковом наполнении. Соответственно,

обострение политической обстановки диктует интенсификацию использования тактик в рамках стратегии дискредитации и усиление их разнообразия.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Стратегия дискредитации является характерным феноменом при освещении событий, явлений, фактов и мнений в политическом медиадискурсе в целом и в политическом медиадискурсе 1950-2019 годов в частности, что обусловлено агональным характером данного типа дискурса. Общая интенция стратегии дискредитации заключается в понижении статуса политического и идеологического оппонента в рамках борьбы за власть и влияние.

2. Стратегия дискредитации представлена набором коммуникативных тактик: тактики «навешивание ярлыков», тактики обвинения, тактики негативного прогнозирования, тактики апелляции к национальности и тактики фактуализации. Концентрация этих тактик в политическом медиатексте, позволяет авторам газетных статей достичь коммуникативной цели, а именно – понижения статуса оппонента в глазах массовой аудитории. Выделенные тактики были условно поделены на специфичные (тактика «навешивания ярлыков», тактика обвинения, тактика негативного прогнозирования) и неспецифичные (тактика апелляции к национальности, тактика фактуализации) для стратегии дискредитации.

3. Исследуемые тактики выделяются на основе ведущей роли адресанта, наличия интенции понижения статуса оппонента и эксплицитных средств выражения. Средством выражения тактики «навешивания ярлыков» является негативная номинация, тактики обвинения – лексемы с интегральными семами «ВОЙНА», «КРИМИНАЛ», «РАЗРУШЕНИЕ», «ОБМАН» и др., тактики негативного прогнозирования – сочетание негативно окрашенной лексики и маркеров футуральности, тактики апелляции к национальности – сочетание этнонима/квазиэтнонима и негативно окрашенной лексики, тактики фактуализации – сочетание негативно окрашенных лексем и средств повышения категоричности в отсутствие ссылок на источник информации.

4. Большинство выделенных тактик являются универсальными и зарегистрированы во всех изученных периодах, однако в разные периоды они используются с разной степенью интенсивности. Выбор и интенсивность использования тактик зависят от международной политической и идеологической повестки: чем более напряженная международная обстановка в тот или иной исторический период, тем более интенсивно в это время используется стратегия дискредитации.

5. Русскоязычный и англоязычный материал демонстрирует многочисленные черты сходства, проявляющиеся в выборе грамматических и лексических средств реализации тактик. Различия, связанные главным образом

с выбором самих тактик и обусловленные лингвокультурными, идеологическими и историко-политическими факторами, проявлены менее значимо.

6. В ситуации обострения внешнеполитической обстановки актуализация и интенсификация использования ряда дискредитирующих тактик, характерных для предыдущих хронологических периодов, позволяет говорить о цикличности в реализации стратегии дискредитации в русскоязычной прессе.

Научная новизна диссертационной работы заключается в представлении авторской классификации тактик, используемых в рамках стратегии дискредитации, и критериев их выделения. Данная классификация основана на теоретических работах лингвистов и результатах проведенного нами анализа медиатекстов, при этом основными принципами выделения тактик стали наличие эксплицитного выражения тактики и ключевой роли адресанта. При исследовании русскоязычного и англоязычного материала за период с 1950 по 2019 гг. была выявлена количественная и качественная динамика использования данных тактик. Определена зависимость интенсивности использования тех или иных тактик от экстралингвистических факторов, а именно событий, фактов, явлений и оценок, доминирующих в политическом пространстве в тот или иной период.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении методов исследования речевых стратегий, а также типологии тактик, использующихся в целях дискредитации политического соперника. Диссертационная работа вносит вклад в разработку теории речевого воздействия в политическом медиадискурсе.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в спецкурсах и лекциях по стилистике, теории дискурса, медиакommunikации, политологии, конфликтологии и международным отношениям. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в теории и практике журналистики.

Апробация работы осуществлялась на всероссийских и международных научных конференциях: «Филология и журналистика в XXI веке» (27 – 29.04.16, Саратов), «Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли» (23 – 24.11.16, Абакан), «Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска» (1 – 3.03.17, Саратов), «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» (14 – 16.03.18, Санкт-Петербург), «Филология и журналистика в XXI веке» (25 – 27.04.18, Саратов), «Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода» (24 – 27.04.19, Пенза).

Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры романо-германской филологии и переводоведения ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» в 2017, 2018, 2019, 2020 годах.

Основные результаты исследования отражены в 11 публикациях, 4 из которых опубликованы в научных изданиях из перечня ВАК.

Структура работы: данная диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и списка источников материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определена актуальность темы и научная новизна исследования, устанавливаются цель и задачи исследования, сформулирована теоретическая и практическая значимость работы; представлен языковой материал и методология его анализа, приведены основные положения, выносимые на защиту и указаны данные апробации научных результатов.

Первая глава «Теоретические основы изучения коммуникативных стратегий в медиадискурсе» содержит анализ научной литературы, посвященной многостороннему изучению медиадискурса, речевого воздействия и стратегии дискредитации. В разделе **1.2 «Медиадискурс и его основные особенности»** рассматриваются основные подходы к пониманию медиадискурса, выделяются его признаки, особенности и жанры. Медиадискурс понимается как комплексный и синкретичный тип дискурса, который является совокупностью речевых практик в СМИ во всем их тематическом и структурном многообразии. Его главной целью является воздействие на массового адресата с помощью не только информирования о событиях, фактах и явлениях, но и определенной интерпретации сообщаемой информации. В данном разделе также рассматривается понятие политического дискурса, так как адресат политического дискурса в большинстве случаев воспринимает его именно посредством СМИ, поэтому политический дискурс тесно связан медиадискурсом. Во втором разделе главы 1 «Политический медиадискурс и его особенности» изучается специфическая часть медиадискурса – политический медиадискурс, который понимается как гибридный тип дискурса, появившийся в результате наложения двух типов дискурса (политического и медиа) друг на друга, в результате чего каждый из этих типов модифицирует, дополняет и оформляет специфические черты другого. Например, политический медиадискурс наследует от политического дискурса агональность,

институциональность, инструментальность и др., от медиадискурса – способы оценивания политических процессов и их описания. В качестве специфического признака именно политического медиадискурса выделяется его выраженная культурная обусловленность. Кроме того, политический дискурс и медиадискурс обладают рядом общих черт (идеологизированность, персуазивность, институциональность и др.), которые, объединяясь в политическом медиадискурсе, интенсифицируются.

В разделе **1.3 «Речевое воздействие и речевая манипуляция»** проводится анализ понятий «речевое воздействие» и «манипуляция», рассматриваются их основные типы и классификации. Главная роль речевого воздействия заключается в том, что адресант реформирует картину мира адресата с целью изменения его взглядов, эмоционального настроения, а также категориальных конструктов. В нашей работе мы используем термин «манипуляция» как синонимичный понятию «воздействие» в значении речевого вербального и невербального воздействия на объект для достижения определённых коммуникативных целей. Согласимся с позицией Е. В. Гориной, которая пишет о том, что говорить о манипуляции как об особом типе воздействия, в котором намерения адресанта противоречат желаниям и интересам объекта воздействия, можно лишь теоретически, в то время как доказать это на практике не представляется возможным. Это связано с тем, что для констатации именно манипуляции следует изучать изменения в установках адресата, что невозможно сделать на основе лишь одного газетного текста [Горина 2004]. Поэтому мы, анализируя тексты СМИ в аспекте их влияния на читателей в рамках стратегии дискредитации, используем термин «речевое воздействие». Раздел **1.4 «Речевая стратегия и тактика как объекты изучения прагмалингвистики»** содержит обзор научной литературы, способствующей наиболее полному осмыслению понятий *стратегия* и *тактика*. Речевое воздействие осуществляется с помощью стратегий – наборов речевых действий, используемых для достижения коммуникативной цели. Стратегия находит свою реализацию в тактиках, которые являются речевыми приемами, позволяющими достичь конкретных коммуникативных целей в отдельно взятой коммуникативной ситуации. В этом разделе анализируются существующие классификации стратегий и тактик в политическом медиадискурсе. В ходе изучения теоретического материала были выявлены две базовые стратегии, которые присутствуют в том или ином виде в работах всех изученных нами исследователей (О. Л. Михалева, О. Н. Паршина, Н. Б. Руженцева, О. С. Иссерс и др.): стратегия, формирующая положительное отношение к объекту/субъекту, и стратегия, формирующая негативное отношение к объекту/субъекту. Данная работа посвящена изучению именно

стратегии, формирующей негативное отношение к объекту/субъекту, то есть стратегии дискредитации.

В разделе **1.5 «Стратегия дискредитации в медиадискурсе»** рассматривается понятие дискредитации, которое в данном исследовании понимается как подрыв доверия к объекту, умаление его значения, прямая или косвенная негативная оценка объекта, выраженная вербально. Важно отметить, что автор текста газетной статьи несмотря на диалогическую природу медиадискурса, направляет дискредитацию не на читателя, а на некое третье лицо или явление, но при этом воздействует он на читателя, чтобы тот согласился с высказанной позицией [Руженцева 2004]. Анализ стратегии дискредитации у различных авторов показал, что на данный момент существует довольно большое количество исследований, посвященных стратегии дискредитации, и каждый учёный предлагает свою классификацию тактик внутри данной стратегии. Это связано с разнообразием языковых средств, выполняющих дискредитирующую функцию.

Во второй главе **«Специфика реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе 1950 – 2019 гг.»** рассматриваются особенности стратегии дискредитации в русскоязычных и англоязычных газетных статьях. В данной работе мы предлагаем собственную классификацию тактик, которые используются при дискредитации политического оппонента. Стоит отметить, что данная классификация не является универсальной: входящие в неё тактики были выделены на основе анализа конкретного практического материала. В основу классификации положены несколько принципов. Первым фактором, повлиявшим на наполнение классификации, стали средства выражения выделенных тактик. Следует признать, что из-за большого разнообразия тематического, семантического, синтаксического и пр. наполнения тактик и зависимости выбора конкретных вербальных средств от контекста практически невозможно говорить о регулярных средствах выражения той или иной тактики. Однако нами была предпринята попытка обнаружить наиболее общие и типичные лингвистические средства репрезентации тактик, используемых в рамках стратегии дискредитации. Вторым фактором помещения тактики в классификацию стало то, что зафиксированные тактики основаны на предполагаемой интенции адресанта. Учет этих факторов обуславливает новизну данного исследования.

Сложности изучения коммуникативных тактик связаны со степенью включенности исследователя в контекст, т.е. из подобных исследований невозможно исключить субъективный фактор. Кроме того, выделение регулярных средств выражения той или тактики представляется проблематичным, так как во многих случаях лингвистическое проявление той

или иной тактики зависит от конкретной темы текста. Ещё одним фактором, не позволяющим создать единую классификацию тактик, является междисциплинарный характер исследования, требующий особых знаний в области политологии, истории и международных отношений. Поэтому в данном исследовании мы уделили большое внимание критериям выделения тактик и их языковым манифестациям, а также в качестве теоретической базы привлекали междисциплинарные исследования в соответствующих областях.

Таким образом, в результате обобщения теоретического материала и осуществленного нами анализа русскоязычных и англоязычных СМИ, нами были выделены следующие тактики, реализующиеся в рамках стратегии дискредитации:

1) тактика «навешивания ярлыков», которая проявляется в наличии отрицательной номинации, используемой по отношению к политическому оппоненту, что позволяет адресанту, во-первых, структурировать и упрощать реальность, а во-вторых, предложить адресату готовое негативное отношение к денотату. В данном исследовании под ярлыком понимается краткая отрицательно-оценочная характеристика человека или явления, которая характеризуется устойчивостью, цель которой – дискредитация данной личности или явления в массовом сознании [Никитина 2006];

2) тактика обвинения, которая приписывает политическому оппоненту ряд негативных действий или качеств, обличая и / или разоблачая его;

3) тактика негативного прогнозирования, задачей которой является перепрограммирование сознания массового адресата, убеждение его в отрицательном характере действий политического оппонента, которые в будущем приведут к негативным последствиям;

4) тактика фактуализации представлена оценочными высказываниями субъективного характера, которые в отсутствие ссылок на источники и средств смягчения категоричности подаются как подтвержденный и верифицированный факт;

5) тактика апелляции к национальности, которая осуществляется за счёт помещения этнонима и/ или квазиэтнонима в негативный контекст, с помощью сочетания его с негативно заряженными лексемами, а также за счёт актуализации этнических стереотипов.

Для удобства изучения динамики реализации стратегии дискредитации нами на основе экстралингвистических факторов были выделены следующие временные периоды: первый период (1950 – 1984 гг.), второй период (1985 – 2006 гг.) и третий период (2007 – 2019 гг.). Ряд тактик, реализующих стратегию дискредитации, рассматривается в каждом из периодов.

В рамках реализации стратегии дискредитации в советских и западных

СМИ 1950–1984 гг. были обнаружены следующие тактики: тактика «навешивания ярлыков», тактика обвинения, тактика негативного прогнозирования и тактика фактуализации. Все они последовательно проанализированы на материале русскоязычной и англоязычной прессы. В русскоязычном материале отмечено довольно частое использование тактики «навешивания ярлыков» (25 ярлыков в 75 контекстах): *Но зверства агрессоров не помогут им удержаться на чужой земле. Демократическая Республика Вьетнам располагает всем необходимым для того, чтобы дать отпор зарвавшимся пиратам* (ВМ, 14.04. 1961). Это связано с тенденцией советского газетного языка к использованию клише. Ярлык является универсальной негативной характеристикой, которая с помощью частой повторяемости в СМИ ассоциативно закрепляется в сознании массового адресата.

В ходе диссертационного исследования было отмечено большое количество случаев использования тактики обвинения (70 контекстов в русскоязычном материале). Вслед за А. Р. Залегдиновой мы выделяем несколько семантических моделей оформления обвинения: «субъект совершает негативное действие» (S + NA); «действия субъекта приводят к негативу»; «субъекту свойственен негатив» (S + NST); «субъект не совершил какого-либо положительного действия» [Залегдинова 2013]. Анализ нашего материала показал высокую продуктивность семантической модели: «субъект совершает негативное действие». Данная формула является универсальной, т. к. понятие негативного действия имеет широкую предметную отнесенность (от негативного заявления в иностранной прессе до военных действий). Более того, именно эта формула предлагает максимально упрощенный взгляд на действительность, что вместе с гипертрофированной оценочностью является одной из особенностей советской риторики [Романенко 2000]. Негативное действие содержит ряд сем, которые можно тематически разделить по группам: «РАЗРУШЕНИЕ»: *Эти репрессии были попыткой английских властей сломить забастовочную борьбу рабочих сельскохозяйственных плантаций* (И, 16.10.1964). В качестве частного случая группы «РАЗРУШЕНИЕ» мы рассматриваем лексемы со значением «УНИЧТОЖЕНИЕ»: *Пираты в военной форме сжигают мирные города и сёла, убивают женщин, детей, стариков* (СИ, 12.05.1970). Следует отметить группу лексем, содержащих интегральную сему «ПРОДОЛЖЕНИЕ». Исследованный материал показал, что политические противники часто обвиняются не столько в совершении конкретных негативных действий, сколько в нежелании отступить от собственной идеологии и изменить политический курс: *Докладчик указывает, что американский империализм продолжает проводить в этом районе мира свою политику создания военных баз, политику открытого вмешательства в*

дела многих азиатских стран, что глубоко беспокоит трудящихся этого континента и всего мира (П, 08.06.1960). Данный вариант обвинения часто используется для противопоставления активным положительным действиям СССР.

В отдельную группу обвинений следует выделить обвинения во лжи, которую вслед за А. Р. Залегдиновой мы считаем необходимым рассматривать как отдельную субтактику. В данном исследовании мы понимаем субтактику как крупную тематическую разновидность той или иной тактики. Субтактика обвинения во лжи представлена лексемами семантического поля «ОБМАН», однако проанализированные примеры можно условно поделить на три группы: обвинение во лжи, обвинение в лицемерии и разоблачение обмана.

Известно, что советскому политическому медиадискурсу свойственна категоричность высказываний, поэтому представляется неслучайным, что в проанализированном материале было обнаружено 28 контекстов, в которых реализуется тактика фактуализации, призванная убедить читателя в том, что высказанные негативные оценки являются верифицированными фактами: *Совершенно ясно, что правительство Иосида пытается сделать всё, что в его силах, чтобы **ввергнуть** японский народ в бездонную пропасть приготовлений к новой военной авантюре* (П, 24.01.1952). Ведущую роль в реализации тактики фактуализации в изучаемый период играют вспомогательные коммуникативные единицы, или дискурсивы. В нашем материале дискурсивами представлена бóльшая часть маркеров повышения категоричности, причём, чаще других реализуется всего два дискурсива: *ясно* и *очевидно*.

Еще одной выявленной тактикой стала тактика негативного прогнозирования (22 контекста). Негативное прогнозирование осуществляется за счёт использования лексем со значением футуральности и ряда лексем с негативными коннотациями: *Последствия этого – тяжелые **болезни**, ранняя старость без всякой **перспективы** на лучшее будущее* (Тр, 08.03.1966).

В англоязычных контекстах 1950 – 1984 гг. по сравнению с русскоязычными выявлена менее интенсивная реализация тактики «навешивания ярлыков»: зарегистрировано 17 ярлыков в 37 контекстах (в советском – 25 ярлыков в 75 контекстах). При этом, большинство англоязычных ярлыков использовано в контекстах, излагающих позицию политического оппонента по тому или иному вопросу. Таким образом, подчеркивается, что именно противник активно, бездоказательно «навешивает ярлыки»: *Trying to persuade all its warring factions to agree on anything was like starting a poor quality horse race. There were always some facing the wrong way. The leadership was united only in obdurate hatred of the United States “**the Great***

Satan”, and it was politically dangerous for any leader to appear in favor of a dialogue / Пытаться убедить все враждующие фракции согласиться на что-либо было все равно, что начать плохие скачки. Всегда был кто-то, кто смотрел не в ту сторону. Руководство объединяла только непримиримая ненависть к «**великому сатане**» США, и выступать за диалог для любого лидера было политически опасно (О, 18.01.1981). В проанализированном материале среди ярлыков, которые автор статьи сам «навешивает» на оппонента, можно выделить несколько семантических групп: человек, совершающий общественно опасные деяния (*bandits; murderer; spy; terrorist; guerilla; junta*); названия профессий, использованных в переносном значении (*butchers; messenger boy; power broker; bufoon*); негативно окрашенные прецедентные имена (*Dr. Jekyll and Mr. Hyde; Stalin; Satan*).

По количеству случаев использования тактики обвинения англоязычный материал также уступает русскоязычному: 45 и 70 контекстов соответственно. Семантическая модель «объект совершает негативное действие» представлена обвинениями, содержащими лексемы с семой «ВОЙНА» и «РАЗРУШЕНИЕ». Контексты, в которых реализуется данный тематический тип обвинения, посвящены многочисленным вооруженным конфликтам, происходивших в изучаемый период: *Let us assume – a large assumption admittedly– that the Russian **invasion** of Czechoslovakia was not an act of collective madness, that there seem to the men in the Kremlin to be sound reasons why they should carry out an **operation** which was bound to bring down upon them the **odium** of the world, **shatter** the solidarity of the Communist camp almost **beyond repair**, and **destroy** what little chance there ever was of a successful outcome to the world Communist conference due to take place in Moscow in November / Давайте предположим - по общему признанию - что русское вторжение в Чехословакию не было актом коллективного безумия. Людям в Кремле кажется, что у них есть веские причины для проведения операции, которая должна была обрушить на них **ненависть** всего мира, почти **безвозвратно разбить** солидарность коммунистического лагеря и **уничтожить** тот небольшой шанс успешного исхода Всемирной коммунистической конференции, которая должна состояться в Москве в ноябре (ILN, 7.09.1968).* Ещё одной группой обвинения в негативном действии являются обвинения, содержащие языковые единицы с семой «УГРОЗА»: *to threaten; blackmail; bully; menace; intimidation; to shake one’s fist; to jeopardize*. С помощью использования лексем с семой «УГРОЗА» создаётся образ опасного оппонента, силовой и политический потенциал которого позволяет ставить условия мировому сообществу, в случае невыполнения которых последуют негативные действия. Однако частое использование подобных лексем несколько трансформирует этот образ,

превращая его в оппонента, неспособного доказать свою позицию без использования силового метода. Среди обвинений, оформленных по модели «объекту свойственен негатив», выделяются языковые единицы с семой «ОПАСНОСТЬ» (*dangerous; unstable; menacing; disturbing*): *The Soviet Union is dangerous precisely because it is a second great power in everything but military strength* / Советский Союз **опасен** именно тем, что является второй великой державой во всем, кроме военной силы. (IG, 1.06.1976).

Внутри субтактики обвинения во лжи выделяются несколько тематических групп: обвинение во лжи, обвинение в лицемерии и разоблачение обмана. В отличие от советского медиадискурса 1950 – 1984 гг. в качестве ведущей тематической группой в англоязычных статьях 1950 – 1984 гг. выделены обвинения в лицемерии, которые осуществляются за счёт указания на несоответствия между словами и идеями политического оппонента и его действиями. Самым распространённым языковым средством реализации обвинения в лицемерии является использование предлога *despite*: *Despite the current Soviet protestation on the subject of disarmament and the reduction in the size of the armed forces the celebration of the October revolution in Moscow remains an occasion for the military* / **Несмотря** на нынешние советские протесты по поводу **разоружения и сокращения численности вооруженных сил**, празднование Октябрьской революции в Москве остается **военизированным** событием (Sp, 19.11.1955).

Англоязычные статьи лидируют по количеству случаев использования тактики негативного прогнозирования, которая была обнаружена в 30 контекстах (в русскоязычном материале – в 22 контекстах): *COMMUNIST CHINA will collapse in chaos shortly after the death of Communist Party chairman Mao Tse-Tung and the regime could disintegrate within a few weeks, according to a high-ranking Communist diplomat* / **КОММУНИСТИЧЕСКИЙ КИТАЙ погрузится в хаос** вскоре после смерти председателя Коммунистической партии Мао Цзэ-дуна, а режим **может распасться** в течение нескольких недель, по словам высокопоставленного коммунистического дипломата (BT, 11.09.1969). На наш взгляд, активное использование тактики негативного прогноза связано с политической неопределённостью в ситуации угрозы ядерных боевых действий со стороны СССР. США и Великобритания находились в тот период в выжидательной позиции, что обуславливает тенденцию к созданию негативных прогнозов.

Случаев использования тактики фактуализации в исследованном нами англоязычном материале обнаружено не было. Отметим, что в целом даже в условиях идеологического противостояния в англоязычных статьях присутствовал и положительный образ СССР, связанный, например, с полётом

Ю. Гагарина в космос, военной и технической подготовкой Советской Армии и т.д., в то время как в русскоязычном материале капиталистические противники маркировались исключительно негативно.

Второй рассматриваемый период – с 1985 по 2006 гг. – характеризуется относительным потеплением отношений СССР с Западом и постепенным уходом дипломатии от риторики «холодной войны». Новый внешнеполитический курс предполагал деидеологизацию международного взаимодействия, что отразилось в уменьшении использования стратегии дискредитации. Советская идеология была разрушена, при этом новая идеология молодого российского государства находилась в стадии становления, в связи с чем журналисты старались высказываться о международных новостях более нейтрально. По сравнению с советским периодом, внешнеполитическая повестка с дискредитирующими элементами в медиадискурсе 1985-2006 гг. отошла на второй план, т. к. после распада СССР фокус общественного внимания и, как следствие, внимания СМИ переключился на внутривнутриполитическую арену [Ефременко 2015].

Как для русскоязычного, так и для англоязычного материала изучаемого периода тактика «навешивания ярлыков» и тактика «обвинение» являются универсальными тактиками. Среди русскоязычных ярлыков по сравнению с англоязычными наблюдается большее тематическое разнообразие (4 тематические группы и 2 тематические группы соответственно). Однако по общему количеству ярлыков лидирует англоязычный материал: 35 контекстов в англоязычных статьях и 28 – в русскоязычных. Стоит отметить, что авторы англоязычных статей включают в текст ярлыки, использованные оппонентом, такие ярлыки носят окказиональный характер и направлены на «разоблачение» оппонента.

Тактика обвинения как в англоязычном (68 контекстов употребления), так и в русскоязычном материале (58 контекстов употребления) представлена универсальными семантическими моделями «субъект совершает негативное действие» и «субъекту свойственен негатив», кроме того, универсальной также является субтактика «обвинение во лжи», основной тематической реализацией которой в обоих типах дискурса становится «обвинение в лицемерии».

Для русскоязычного материала 1985 – 2006 гг. оказалась характерна тактика апелляции к национальности, использование которой продиктовано экстралингвистическими факторами, а именно распадом советской идентичности, конфликтом с бывшими союзными республиками, вооруженными столкновениями в Чечне. Ведущим дискредитирующим средством становится формула «этноним + лексема с негативным прагматическим зарядом» (*чеченские работоторговцы; чеченский тупик;*

чеченский синдром). После окончания активных боевых действий на первый план в прессе выходит квазиэтнотип «кавказец», который, на первый взгляд, мог бы улучшить отношение читателей к отдельно взятым национальностям, но достиг обратного эффекта: из-за чрезмерного обобщения активизировались стереотипы. Дискредитация осуществлялась именно за счет создания образа типичного кавказца и помещение его в негативный контекст: *Китайцев больше, но кавказцы агрессивнее и ведут себя как хозяева, не считаясь ни с обычаями нашими, ни с законами* (АиФ, 19.04.2006). Нам представляется принципиальным анализ данной специфической тактики, т. к., будучи использованной в большинстве случаев в статьях на внутривнутриполитическую тематику, в ней функционируют элементы, характерные для внешнеполитической дискредитации. Кроме того, важно было показать, что дискредитация в российских СМИ никуда не исчезла, а просто поменяла свой вектор.

В англоязычных СМИ этого периода (25 контекстов употребления) активно используется тактика негативного прогнозирования, которая практически не представлена в русскоязычном материале: *British spies – a charge that sounds suspiciously like the charges of espionage and sabotage that the Soviet media made against human rights activists in 1975 and 1985. It seems history really does repeat itself, and while the second time may have the feel of farce, Moscow's repression may end no less tragically for its victims* / *Британские шпионы - обвинение, которое звучит подозрительно, как и обвинения в шпионаже и саботаже, которые советские СМИ выдвинули против правозащитников в 1975 и 1985 годах. Кажется, история действительно повторяется, и хотя второй раз может показаться фарсом, московские репрессии для их жертв могут закончиться не менее трагично* (WP, 31.01.2006).

Главной особенностью использования тактик в рамках стратегии дискредитации в 1985 – 2006 гг. в англоязычной прессе становится зависимость способов выражения тактик от описания конкретных событий. Более того, важную роль в реализации тактик стали играть личные характеристики объектов дискредитации. В предыдущий период все политические оппоненты, исходя из их принадлежности к «чужой» идеологии, наделялись одинаковыми негативными характеристиками, тогда как в 1985 – 2006 гг. у каждого крупного международного политика появляется свой уникальный образ, который, однако, тоже содержит негативные характеристики, например, Б. Н. Ельцин характеризуется непредсказуемостью, В. В. Путин – нерешительностью и агрессивностью: *For the past decade, Yeltsin has dominated the Russian political stage like an erratic, lumbering bear, emerging from periodic bouts of poor health*

*and lethargy with **surprise moves** calculated to confound his opponents and dazzle his political allies* / В течение последнего десятилетия Ельцин доминировал на российской политической арене, как **непредсказуемый**, неуклюжий медведь, выходящий из периодических приступов плохого здоровья и летаргии с **неожиданными шагами**, рассчитанными на то, чтобы сбить с толку своих оппонентов и ослепить политических союзников (WP, 01.01.2000). Кроме того, изучаемый период оказался идеологически неоднородным, что отразилось на реализации тактик. Распад социалистического блока, российский курс на демократизацию, улучшение дипломатических отношений между странами – всё это вселило оптимизм, который отразился как в русскоязычной, так и в англоязычной прессе. При этом, начиная примерно с 2003 г., наблюдается увеличение случаев использования тактик в рамках стратегии дискредитации внутри самого периода, что связано с российской реакцией на приход к власти в бывших союзных республиках (Грузия, Украина) прозападных политиков. Однако по сравнению с советским периодом в целом наблюдается уменьшение случаев использования тактики в рамках стратегии дискредитации. Особенно большая разница в количестве употреблений наблюдается между русскоязычными статьями в первом и втором временном периоде. Например, в 1950 – 1984 гг. было обнаружено 25 ярлыков, которые употреблялись в 75 контекстах, в то время как в 1985 – 2006 гг. было зафиксировано 19 ярлыков, которые употреблялись лишь в 28 контекстах. В 1950 – 1984 гг. примеры тактики обвинения были отмечены в 70 контекстах, в то время как в 1985 – 2006 гг. – в 58 контекстах. Кроме того, в 1950 – 1984 гг. были отмечены частое использование тактик фактуализации (28 контекстов употребления) и негативного прогнозирования (22 контекста употребления), которые в 1985 – 2006 гг. использовались редко (5 и 8 контекстов употребления соответственно). При этом, в 1985 – 2006 гг. особую актуальность приобрела тактика апелляции к национальности, которая в предыдущий период обнаружена не была.

Показательно, что в англоязычном материале не наблюдается подобных кардинальных количественных различий: в 1950 – 1984 гг. было зафиксировано 17 ярлыков, которые употреблялись в 37 контекстах, в то время как в 1985 – 2006 гг. – 18 ярлыков в 35 контекстах. Данную стабильность мы объясняем тем, что и в советский период, и в 1990-е англоязычные авторы включали в свой текст ярлыки из высказываний политических оппонентов, разоблачая тем самым желание оппонентов «навесить» ярлык. В 1950 – 1984 гг. примеры тактики обвинения были отмечены в 45 англоязычных контекстах, в то время как в 1985 – 2006 гг. – в 68 контекстах. На наш взгляд, рост случаев реализации тактики обвинения связан с концентрацией во втором периоде военных событий, в которых США принимали активное участие (война в Афганистане,

война в Ираке, террористические акты и противостояние с «Аль-Каидой» и «Талибаном» (запрещённые в России террористические организации – И.Л.), что могло увеличить идеологическую необходимость в обвинении врага. В динамике использования тактики негативного прогнозирования в 1985 – 2006 гг. прослеживается небольшое снижение: с 30 контекстов употребления (1950 – 1984 гг.) до 25 контекстов употребления. На наш взгляд, подобное снижение может быть связано с исчезновением многолетней ядерной угрозы, при наличии которой американские авторы активно предрекали негативные последствия для потенциального инициатора ядерной войны и всего мира. При этом отмечено и качественное изменение в способах реализации данной тактики: для 1985 – 2006 гг. более характерно использование модальных глаголов со значением вероятности, присутствие которых делает прогноз менее категоричным: *The Prime Minister's belligerent tone, which undoubtedly plays well in Moscow, **can** only **further enflame** Chechen moderates* / *Бойственный тон премьер-министра, который, несомненно, хорошо работает в Москве, **может только еще больше разжечь** чеченцев, придерживающихся умеренных взглядов.* (NYT, 4.10.1999).

Одним из поворотных событий во внешнеполитической жизни России XXI века стала, так называемая «мюнхенская речь» В. В. Путина, прозвучавшая 10 февраля 2007 года на международной конференции, посвященной политике безопасности, в которой президент России выступил с резкой критикой политики США, подчеркнув важную роль России в решении мировых проблем и недопустимость создания однополярного мира. Кроме того, в 2007 – 2019 гг. на международной арене произошло множество конфликтов, способствующих нарастанию международной напряженности, вследствие чего у России и западных стран появлялись диаметрально противоположные взгляды и интерпретации принципиально важных вопросов.

По сравнению с предыдущим периодом в 2007 – 2019 гг. отмечено увеличение количества случаев использования всех тактик. В русскоязычном материале количество использований тактики «навешивания ярлыков» составило 43 контекста, в то время как в предыдущем периоде – 28 контекстов. В 2007–2019 можно отметить и увеличение количества контекстов, содержащих тактику обвинения: с 58 до 65. Отмечен рост случаев использования тактики негативного прогнозирования: с 8 контекстов до 27 контекстов. Активно реализуется и стратегия фактуализации, которая была характерна для советского периода. Количество контекстов, в которых она реализуется, составило 30, что сопоставимо с советским периодом (28 контекстов).

В англоязычных статьях отмечается стабильное количество случаев использования большинства тактик. Небольшую динамику роста случаев использования по сравнению 1985 – 2006 гг. продемонстрировала тактика обвинения: с 68 контекстов до 78. Количество использований контекстов с наличием в них ярлыков также хоть и несущественно, но выросло: с 35 до 38 контекстов. Среди особенностей изучаемого периода стоит отметить уменьшение количества случаев тактики негативного прогнозирования в период с 2007 по 2019 гг. в англоязычном материале, по сравнению с русскоязычным того же периода. На наш взгляд, это связано с активным использованием в англоязычных СМИ тактики обвинения, которая направлена в прошлое (обвинения в уже совершенных негативных действиях) и настоящее (обвинение в негативных качествах и совершаемых негативных действиях), соответственно политический оппонент оценивается как субъект, не имеющий отношения к будущему. Кроме того, было отмечено использование позитивного прогнозирования, которое функционирует в рамках стратегии самопрезентации, таким образом, будущее связывается с позитивным вмешательством, исправлением сложившейся ситуации.

Для выявления динамики использования стратегии дискредитации в 1950 – 2019 гг. в работе проводился количественный анализ частоты использования дискредитационных тактик. Результаты этой части исследования представлены в Таблице 1.

Таблица 1

**Динамика использования тактик в рамках стратегии дискредитации
в русскоязычной и англоязычной прессе**

	1950 – 1984		1985 – 2006		2007 – 2019	
Материал	Рус.язык (кол-во контекстов)	Англ.язык (кол-во контекстов)	Рус.язык (кол-во контекстов)	Англ.язык (кол-во контекстов)	Рус.язык (кол-во контекстов)	Англ.язык (кол-во контекстов)
Тактики						
Тактика «навешивания ярлыков»	75 (25 ярлыков)	37 (17 ярлыков)	28 (19 ярлыков)	35 (18 ярлыков)	42 (20 ярлыков)	38 (20 ярлыков)
Тактика обвинения	70	45	58	68	65	78
Тактика негативного прогнозирования	22	30	8	25	27	20
Тактика фактуализации	28	–	5	–	30	–
Всего	195	112	99	128	164	136

В ходе анализа динамики реализации стратегии дискредитации было обнаружено, что в русскоязычном материале стратегия дискредитации наиболее активно реализуется в первом (1950 – 1984 гг.) и третьем периоде (2007 – 2019), что объясняется периодами обострения противостояния России с Западом. Во втором периоде (1985 – 2006) наблюдается снижение количества использования дискредитирующих тактик, что, на наш взгляд, связано с внутривнутриполитическими проблемами, с которыми столкнулась Россия как молодое государство, соответственно, фокус общественного внимания переместился с международной на внутривнутриполитическую арену. Более того, новая идеология еще находилась в стадии формирования, а советская идеология активно подвергалась критике, что привело к сближению с западными политическими партнёрами. Таким образом, можно заключить, что для русскоязычной прессы в реализации стратегии дискредитации характерна определенная цикличность.

Что касается англоязычного материала, то в реализации стратегии дискредитации преобладает более линейная динамика, что означает, что количество использований дискредитирующих тактик постепенно возрастает с 1950 по 2019 гг. Исключение составляет тактика негативного прогноза, количество использования которой уменьшается: наибольшее количество зафиксировано в первом периоде, наименьшее – в третьем. На наш взгляд, это связано с тем, что в первом периоде в условиях политического конфликта с СССР существовала угроза ядерной войны, которая давала почву для моделирования негативных прогнозов. После распада СССР США и Великобритания укрепили свои позиции в мировом сообществе, поэтому в англоязычной прессе негативные прогнозы стали вытесняться позитивными прогнозами, которые являются частью стратегии самопрезентации и в данной работе не исследуются.

В **Заключении** подводятся итоги работы. Наличие в современных СМИ большого количества дискредитирующих контекстов и их регулярная воспроизводимость способствует закреплению в массовом сознании негативных представлений о людях, фактах и оценках, связанных (в том числе и ассоциативно) с политическими оппонентами, помещая их в концептуальное поле «чужой».

В ходе исследования русскоязычных и англоязычных газетных статей с 1950 по 2019 гг. было выявлено, что большинство данных тактик являются универсальными и используются с разной степенью интенсивности в разные периоды. Однако следует отметить, что некоторые тактики являются характерными для определённой лингвокультуры, например, в отличие от русского языка английскому языку менее свойственна категоричность, что

предопределяет лишь единичные случаи использования тактики фактуализации в англоязычных статьях.

На выбор дискредитирующих тактик, а также на выбор языковых средств, с помощью которых данные тактики манифестируются, напрямую влияют экстралингвистические факторы, а именно: наличие/отсутствие военных конфликтов, наличие/отсутствие политических заявлений, деструктивно влияющих на международные отношения, высокий/низкий уровень идеологизированности массового сознания и др. Нами была установлена зависимость между высоким уровнем интенсивности использования стратегии дискредитации и ростом международной напряженности. Кроме того, было отмечено большое количество случаев использования стратегии дискредитации в третьем периоде (2007 – 2019 гг.), что связано с информационным и оценочным плюрализмом, который стал возможен благодаря развитию интернет-технологий и появлению новых медиаплощадок (блоги, социальные сети, интерактивные комментарии на сайте и др.) для обсуждения тех или иных политических событий. В условиях потери монополии на создание и передачу политической информации, а также в условиях интенсивной борьбы за поддержку и лояльность массового адресата к транслируемой политической позиции СМИ вынуждены усиливать своё воздействие на потенциальный электорат, вследствие чего, по нашему мнению, количество случаев использования стратегии дискредитации увеличивается.

Затронутые в данном диссертационном исследовании проблемы требуют дальнейшего изучения. В частности, необходимо совершенствовать методику выделения коммуникативных тактик, а также привлекать к исследованию новый материал. Большое значение для исследования динамики использования стратегии дискредитации может иметь анализ газетных статей, посвященных внутриполитическим проблемам. Кроме того, представляется интересным изучение лингвокультурной специфики использования стратегии дискредитации внутри англоязычного материала, а также исследование стратегии дискредитации в других жанрах в рамках медиадискурса, например, в социальных сетях и интернет-комментариях.

Основные положения исследования отражены в следующих публикациях:

1. Лисюткина И. С. Особенности реализации тактики обвинения в советском политическом медиадискурсе / И. С. Лисюткина // **Филологические науки. Вопросы теории и практики.** – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 107–111.
2. Лисюткина И. С. Некоторые особенности реализации стратегии дискредитации в советском медиадискурсе (на материале газетных текстов 1960–1979 годов) / И. С. Лисюткина // **Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика.** – 2019. – Т. 19, Вып. 2. – С. 237–241.
3. Лисюткина И. С. Стратегия дискредитации в медиаполитическом дискурсе: национальный аспект / И. С. Лисюткина // **Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.** – 2019. – № 2. – С. 20-27.
4. Лисюткина И. С. Мнение или факт: тактика фактуализации в современном российском политическом медиадискурсе / И. С. Лисюткина // **Известия Волгоградского государственного педагогического университета.** – 2020. – № 7 (150). – С. 119–125.
5. Лисюткина И. С. Европейский миграционный кризис в СМИ: тактики и стратегии речевого воздействия / И. С. Лисюткина // **Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны : сб. науч. тр. по итогам междунар. научно-практич. конф.** – № 3. СПб., 2016. – С. 51–54.
6. Лисюткина И. С. «King Donald», или стратегия дискредитации в действии (на материале британских статей о Дональде Трампе) / И. С. Лисюткина // **Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска : материалы междунар. научно-практич. конф., посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского.** Саратов, 2017. – С. 148–153.
7. Лисюткина И. С. К проблеме диахронического метода в политическом дискурсе / И. С. Лисюткина // **Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода : сб. науч. ст. по материалам III Междунар. научно-практич. конф. : в 2 т. Т.1 : Методы в лингвистике.** – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – С. 63–66.
8. Лисюткина И. С. О речевой тактике негативного прогнозирования, используемой в рамках стратегии дискредитации / И. С. Лисюткина // **Гуманитарный научный вестник.** – 2020. – № 6. – С. 200–205.
9. Лисюткина И. С. Персонализация медиаполитического дискурса и его роль в реализации стратегии дискредитации / И. С. Лисюткина //

Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых : В 3 ч. Саратов, – 2020. Вып. 23, Ч. I–III. – С. 161–165.

10. Лисюткина И.С. Тактика навешивания/наклеивания ярлыков в современной прессе 2008–2019 гг. (на материале статей, посвященных внешней политике) / И. С. Лисюткина // Перевод. Язык. Культура : материалы XI междунар. научно-практич. конф. 29–30 мая 2020 г. / отв. ред. И. Л. Гарбар. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 202-207.

11. Лисюткина И. С. Особенности реализации тактики негативного прогнозирования в политическом медиадискурсе (на материале газетных статей 2007-2018 гг.) / И. С. Лисюткина // Романо-германская филология : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. Саратов : ООО Издат. Центр «Наука», 2020. – С. 21-27.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Подписано в печать 21.04.2021.
Гарнитура Times. Печать Riso.
Усл. печ. л. 1,45. Тираж 100 экз. Заказ 0059.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП «Экспресс тиражирование»
410005, Саратов; Рахова, 187/213, офис 220 ☎ 27-26-93

